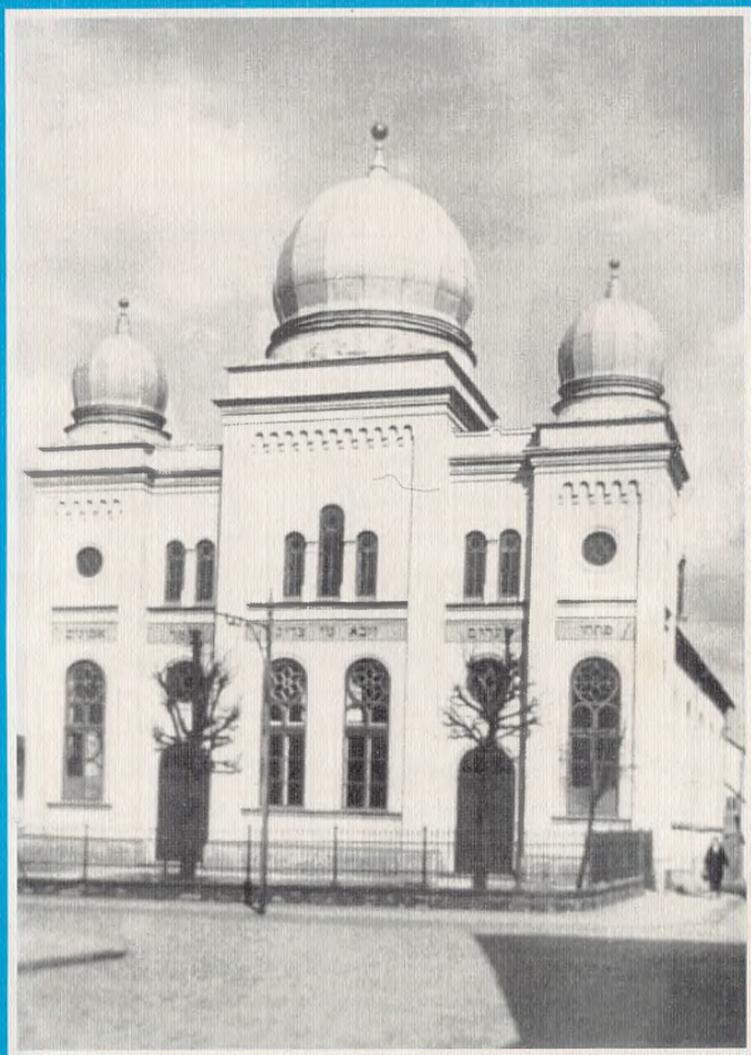


СОЛОМОН ФЕЙГЕРСОН



Трагедия Лиепайских евреев

СОЛОМОН ФЕЙГЕРСОН

*Трагедия
Лиепайских евреев*

РИГА
2002

Воспоминания Соломона Фейгерсона о трагедии лиепайского еврейства это обличительный документ о преступлениях нацистских палачей, о горе и страданиях ни в чем не повинных людей расстрелянных, замученных и прошедших гетто и фашистские концентрационные лагеря.

На обложке: Хоральная синагога. Лиеная.

С фотографии 1920 – 1930 годов

Об авторе

Соломон (Сёма) Фейгерсон родился 16 ноября 1930 года в городе Лиенапая, Латвия.

Летом 1941 года немецко-фашистские войска вторглись в Латвию.

Оккупировав город Лиенапая, немцы и местные пособники приступили к реализации своих планов решения еврейского вопроса.

22 июля 1941 года был расстрелян отец Соломона, Яков Фейгерсон. 15 февраля 1942 года расстреляли мать, Любу Фейгерсон, и младшего брата Иосефа. Соломон при аресте бежал. В апреле 1942 года он был вновь арестован и по дороге к месту расстрела вновь бежал.

1 июля 1942 года, с образованием гетто Лиенапая, вошел в гетто, где находился до ликвидации гетто – 8 октября 1943 года. Прошел концентрационные лагеря Кайзервалд, Штутхоф. Был освобожден 3 мая 1945 года в Германии, в городе Нойштадт.

Вернулся в Латвию, жил в Риге.

Окончил вечернюю школу.

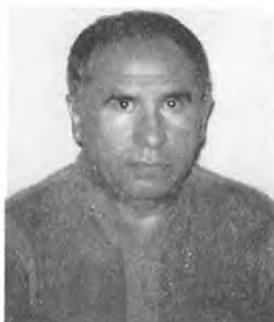
В 1957 году женился, в 1960 году родился сын Яков.

В 1963 году поступил в Московский полиграфический институт на механический факультет.

Закончил институт инженер-механиком в 1969 году. Проработал 15 лет на Рижском заводе «Импульс».

В 1966 году начал хлопотать о выезде с семьей в Израиль. После шести лет отказа 1 июня 1971 года прибыл с семьей в Израиль. Проработал 26 лет на заводе «Телрад», занимая разные инженерные должности.

Сегодня пенсионер, живет в городе Ришон ле-Цион.



Этель Фейгерсон

Посвящаю своим внукам Даниэле и Тому

ЛИЕПАЯ В 1941 ГОДУ

Лиепая, маленький латышский городок на побережье Балтийского моря славился прекрасными пляжами и старинными парками. На окраине города находился незамерзающий морской порт Кригс-Хафен, где размещалась военно-морская база.

К началу второй мировой войны еврейское население Лиенаи насчитывало около 11 000 человек. Общественная жизнь евреев была полнокровной и бурной, в значительной степени благодаря существованию в городе различных организаций и партий: Агудат Исраэль, Трумпельдор, Хашомер Хацаир и др. Дети с шести до шестнадцати лет посещали еврейские и другие школы, была и гимназия с обучением на идиш, вечерние школы и еврейские ремесленные училища. В городе действовало около десяти синагог.

В первый день войны небольшой гарнизон советских моряков с базы Кригс-Хафен вместе с добровольцами, среди которых было немало молодых лиепайских евреев, принял на себя удар захватчиков и в течение семи дней сдерживал натиск фашистов. Бои были тяжелыми. 29 июня 1941 года немцы заняли сильно разрушенный город. Из синагог сохранились две: Бесмедерес и Хоральная, обе на улице Куршу.

5 июля, через неделю после оккупации города немецкой армией и флотом, не дожидаясь появления в

Лиепае отрядов СС, новоназначенный комендант города, корветтен-капитан Брюкнер, издал распоряжение для всего еврейского населения:

1. Всем евреям немедленно прикрепить к одежде, на груди и на спине, ярко-желтый знак размером 10x10 см.

2. Все мужчины от шестнадцати до шестидесяти лет должны ежедневно к семи часам утра собираться на Пожарной площади для отправки на общественные работы.

Чаще всего отсюда их увозили в порт Кригс-Хафен, к трамваю прицепляли открытые платформы и в них зимой и летом загружали людей.

Этим и другими распоряжениями евреям запрещалось:

1. Менять место проживания.

2. Ходить по тротуарам (только по проезжей части), пользоваться городским общественным транспортом и железной дорогой.

3. Посещать парки, кинотеатры, библиотеки.

4. Учиться в школах.

5. Пользоваться услугами городских медицинских учреждений.

Для евреев открыли отдельный магазин, где продукты продавались по особым карточкам. Возле этого магазина выстраивалась длинная очередь. Люди надеялись приобрести хоть какие-нибудь продукты. Передвижение евреев по городу было ограничено определенными часами, поэтому мы не всегда могли попасть в магазин и иногда по нескольку дней оставались голодными.

Сразу после захвата фашистами Лиепай в доме № 21 на проспекте Курмаяс обосновалось СД. Место это приобрело зловещую славу, усиленную еще слухами и рассказами о том, что в этом доме пытаются людей. Возгла-

вил СД унтерштурмфюрер СС Вольфганг Кюглер со своими помощниками: обершарфюрером Карлисом Стродом, шарфюрерами Хандке, Холером, Швейгом, Баумгартнером, Рейхом, Кайзером, Краппом, Собеки, Михальски и др. Деятельность фашистов заключалась, в основном, в истреблении евреев.

Уничтожить сохранившиеся при штурме города синагоги на улице Куршу оказалось не просто. Взорвать их или поджечь не решались, т.к. синагоги располагались среди множества деревянных домов, а Лиепая, пострадавшая от бомбежек, и так нуждалась в жилье.

Немцы решили разобрать синагоги. Согнали на улицу Куршу евреев, и те под наблюдением полицаяев разобрали деревянную синагогу Бесмедерес. Местное население тут же растащило доски и бревна по дворам. Зато Хоральная синагога была каменной, ее стены приходилось разбивать ломами.

На этой тяжелой работе рядом оказались портные и врачи, сапожники и адвокаты, для фашистов все они



Хоральная синагога Лиепая.

были одинаковы – евреи. Во время разборки Хоральной синагоги один человек сорвался со стены и разбился насмерть.

После уничтожения синагог был устроен главный арийский спектакль. Пожарную площадь выстелили Священными Свитками, и начальник гестапо унтерштурмфюрер СС Кюглер проехал по ним на лошади. Согнанные со всего города евреи должны были смотреть, как фашисты оскверняют их Тору.

22 июля 1941 г. была проведена большая облава на мужчин и подростков старше шестнадцати лет. Людей хватали на улицах, врывались в квартиры. В ходе этой акции был арестован и расстрелян мой отец, Яков Фейгерсон. Евреев гоняли по городу с поднятыми руками. При малейшем сопротивлении избивали до потери сознания. Аресты производили латышские айзсарги под руководством немцев из СС, гестапо и СД.

Важно отметить, что все латышские полицай-айзсарги, принимавшие участие в облавах, являлись добровольцами. Трудно было поверить, что вчерашние друзья превратились в смертельных врагов. Соседи, рядом с которыми прожиты годы, ждут, когда тебя заберут в СД, чтобы разграбить твой дом. Каждый, кто хотел и мог, спешил нажиться на еврейской крови. Каждый хватал, сколько мог. Евреи теперь были вне всякого закона. Нас объявили преступной нацией, подлежащей уничтожению.

Аресты и расстрелы продолжались непрерывно. Фашисты осваивали Лиепаяю, спеша искоренить дух еврейства в этой части Нового рейха.

Расстреливали евреев – деятелей науки и искусства, спортсменов, видных представителей лиепайского еврейства. Были расстреляны композитор и директор

театра Вальтер Хан, доктор Швабе, руководитель хора Хоральной синагоги Рабинович, габай Иоффе и спортсмен Хеске Левинштейн.

О Хеске Левинштейне следует сказать особо. К фашистам явился на службу известный в Лиенае боксер Холцманис. В первую очередь он хотел свести счеты со своими спортивными соперниками-евреями.

Хеске Левинштейн был единственным евреем, игравшим за местную футбольную команду «Олимпия». Но самое большое будущее известные до войны тренеры предсказывали ему в боксе. Хеске не раз побеждал Холцманиса на ринге.

По доносу Холцманиса эсэсовцы арестовали Хеске и приволокли во Вторую городскую тюрьму. Во дворе его встретил Холцманис. Вместе с другими фашистами он набросился на Хеске и стал зверски его избивать. Хеске понял: это конец. Собрав последние силы, Хеске нанес спортсмену-полицаянокааутирующий удар. Придя в себя, Холцманис застрелил Хеске там же во дворе тюрьмы.

Летом 1941 года расстрелы проводились в рыболовецком порту, напротив маяка, в парке Райниса и на Еврейском кладбище.

Большая акция в Лиенае готовилась тщательно. Из местных добровольцев-латышей был составлен специальный 21-й полицейский батальон. Местные газеты призывали к избавлению Матери-Латвии от жидов. Составлялись списки обреченных на смерть евреев. И этот, и все будущие расстрелы планировались и проводились с немецкой аккуратностью. Акциям всегда предшествовало изъятие материальных ценностей, проще говоря, грабежи.

«Большая акция» проводилась с 14 по 17 декабря 1941 г. За эти дни в Лиенае расстреляли около 2700

евреев. Местом массового расстрела был район Шкеды на берегу Балтийского моря.

Процесс расстрела фотографировал на память руководитель акции гестаповец Строд. Впоследствии фотографии с этой пленки фигурировали на Нюрнбергском процессе. Их увидел в газетах и книгах весь цивилизованный мир. А сделал их достоянием мира Давид Зивсон. Он работал электриком в здании липайского СД. Однажды его направили чинить проводку в квартире Строда. Давид подозревал, что там может найтись пленка, на которой заснят расстрел еврейских женщин и детей. Он нашел и вынес эту пленку, с помощью друзей сделал копию и успел положить оригинал на место.

Строд, фотографируя несчастных людей, четко зафиксировал строгий порядок убийств: люди раздеваются, полицаи ведут их к яме и тут же они расстреливают детей и женщин на краю этой ямы. Последние кадры: полицай палкой сбрасывает убитых в яму.

Нас с матерью и младшим братом арестовали дома, 16 декабря, около двух часов ночи. В те дни в нашей квартире находилась и семья моего дяди по отцу, их дом был разрушен при вступлении немцев в город в июне 1941 года.

Резкий звонок, удары в дверь, крики: «Открывай, а то взломаем», и в квартиру врывается офицер СС с шестью латышами-айзсаргами. Немец проверяет нас по списку, приказывает одеться, захватить ценные вещи и выйти на улицу. Пока мы собираемся, айзсарги распикивают по карманам все, что попадает на глаза.

Когда нас вывели из квартиры на улицу, было темно. Нас повели во Вторую (женскую) тюрьму. Передавая нас тюремной охране, конвоир шутил: «Получи-ка еще жидов!». Мы поднялись на второй этаж, там сидел

немецкий офицер СС и с ним два латыша-полицая. Нам велели сдать часы, деньги, кольца и другие ценности, что при нас оказались. Отобрали ключи от дома, записали фамилии и приказали спуститься вниз.

Мы очутились на тюремном дворе, забитом людьми. Все были в истерике. Женщины плакали, рвали на себе волосы, дети кричали, мужчины стонали: «Это конец!»

И среди этой толпы прохаживались латыши-полицай и колотили направо и налево резиновыми дубинками. Евреев рядами ставили лицом к стене, и так мы обязаны были стоять часами, не смея повернуться. Если люди перебегали к своей семье, чтобы в последний час оказаться вместе, на них тут же накидывались полицай с дубинками.

На рассвете нас начали криками и ударами прикладов сгонять к грузовикам. Они подъезжали к тюрьме каждый час. Так продолжалось до десяти-одиннадцати часов. Людей везли в Шкедские дюны на берегу Балтийского моря, в километре от Кригс-Хафена, там их расстреливали на краю вырытых заранее ям.

Внезапно во дворе тюрьмы появился офицер СД в сопровождении морского офицера по фамилии Кроль. Кроль возглавлял производство на фабрике «Коркен-фабрик», где тоже работали евреи.

Офицер СД прокричал: «Кто работает на Коркен-фабрик направо!». Люди кинулись строиться. Мама схватила младшего брата, меня и двоюродного брата и присоединилась к этой группе.

Нам теперь нечего было терять. В сопровождении морского офицера нас вывели из тюремного двора. На улице случилось чудо – нам удалось отделиться от группы. Вскоре мы уже были дома.

Декабрьские расстрелы вызвали волнения местного населения.

Местное население города наблюдало весь процесс отправки людей на казнь. И видело машины, возвращавшиеся с вещами расстрелянных. А пьяные полицейские хвастались, как расстреливали женщин, детей и грудных младенцев.

15 февраля 1942 года, в девять часов вечера, за нами пришли опять. Кроме нас, в квартире находилась семья Зильберман, их выгнали из дома, чтобы поселить там немецкого офицера. В этой семье было три человека: муж, жена и девочка, с которой я учился в одном классе.

Гестаповец проверил всех по фамилиям и велел одеться. Латыши-шутцманы рыскали по квартире и, конечно, распахивали по карманам все, что хотели.

Мама подозвала меня и шепнула: «Сёма, беги!.. Может, найдешь кого-нибудь из знакомых, кто поможет».

Я накинул одежду и прокрался к выходу, там дежурил шутцман. Другой полицейский охранял еще один выход. Тогда я проскользнул в одну из задних комнат, тихо раскрыл окно и спрыгнул со второго этажа во двор.

Февраль 1942 года выдался снежным и холодным. В отличие от декабрьской акции, в феврале акцией руководил начальник СД унтерштурмфюрер СС Кюглер. Для того, чтобы местное население не видело, как увозят обреченных, Кюглер решил изменить порядок отправки к месту казни. Людей арестовывали вечером и отправляли в Женскую тюрьму. Оттуда, пока еще было темно, их увозили на расстрел в Шкедские дюны.

Везли в санях, запряженных двумя лошадьми. Сажали в сани по 16 человек, в сопровождении возчика и двух полицейских-латышей.

Дорога освещалась фонарем, прикрепленным к саням.

В одном случае обреченным удалось обезвредить охрану и возчика и бежать. Это известно из донесения, поданного сопровождающим полицейским. Люди, знавшие свою участь и то, что терять им было нечего, попытались бежать, и это им удалось.

15 февраля 1942 года, около полуночи, сани, в которых находились 16 «эвакуированных» (так немцы называли обреченных), в сопровождении двух полицаев, Кале и Магиса, направлялись в сторону Кригс-Хафена. Когда они выехали на перекресток улиц Рижской и Райниса, «эвакуированные» евреи неожиданно напали на полицаев и выбросили их из саней. Возчик получил сильный удар фонарем по голове.

Во время этого происшествия был ранен в голову и выпал из саней один из обреченных. Миновав центральную дорогу, беглецы бросили сани, а лошадей погнали в другом направлении. Только в час с четвертью ночи полицейским удалось связаться с дежурным полицейского батальона и доложить о случившемся. Тем временем сбежавшие разделились на группы и разошлись в разных направлениях. Так как происшествие произошло в районе Яунлиепаи, одна группа пошла на улицу Тиргус, 23, где жил Хаим Копман и семья Хакель. Копман по стуку определил, что это не фашисты. Он впустил в дом беглецов и передал их Хакелю, и тот рано утром, идя на работу, сумел провести их через охраняемый мост. После этого люди разошлись по домам. В этой группе были: Эся Хоровиц, учитель Столпер с женой (урожденной Магисон) и сыном Шлеймой, а также Яков Мерям. Он-то и ударил фонарем по голове возчика.

На поиски беглецов был послан усиленный полицейский патруль. Был найден выпавший из саней раненый, рана не дала ему уйти от места происшествия.

Около пяти утра обнаружили сани с лошадьми. В санях лежал двухлетний еврейский ребенок. Раненый и ребенок были отправлены в Женскую тюрьму.

В февральской акции в Шкедских дюнах расстреляли около ста пятидесяти евреев. Среди них были моя мама, Люба Фейгерсон, ей было тридцать пять лет, мой пятилетний младший брат Иоси Фейгерсон и мой шестилетний двоюродный брат Реувен Траубин.

* * *

После моего побега из квартиры я метался по городу, но куда бы ни стучался, меня не впускали. Через несколько часов бесполезных поисков помощи я опять оказался возле своего дома. Там было темно и тихо. Той же ночью я добрался до латышской семьи Эвелс, жившей на улице Куршу.

С этими людьми дружили мои родители. Эвелсы, рискуя жизнью, спрятали меня в подвале. Через неделю я пошел в город искать кого-нибудь из родных. Я нашел мамину кузину по фамилии Муниц, она с двумя детьми жила на базарной площади, Тиргус лаукумс. Мужа этой женщины расстреляли вместе с моим отцом в двадцатых числах июля 1941 года.

Я прожил у Муницев некоторое время, работал в кузнице в Кригс-Хафене.

Через дорогу дома Муницев находился двор, где приезжавшие на базар крестьяне оставляли своих лошадей. Во дворе размещался маленький домик, в котором в одной из комнат жили мой соученик и его сестра. Часто после работы (в запрещенное евреям время) я перебегал дорогу и подолгу оставался у приятеля. Однажды мы услышали шум мотора и увидели в окно черную легковую машину, прозванную у нас «Черная

Берта». Машина остановилась у дома Муницев, откуда я только недавно вышел. Через некоторое время гестаповцы вывели на улицу мою родственницу с маленькими детьми.

Стало ясно, что мне здесь больше жить нельзя. Я побежал в квартиру Муницев, взял необходимые вещи и вернулся к приятелю. Мы не сомневались, что началась новая акция. Необходимо было где-то спрятаться. Теперь мы днем из окна наблюдали за улицей, а ночью перебирались на чердак.

Но гестапо пронюхало, что в заезжем дворе прячутся евреи. Мы видели, что гестаповцы нас ищут, фашисты рыщут по чердакам и подвалам, прокалывают штыками снопы сена и даже навоз. Надо было срочно уходить. Мы переходили из одного места в другое, жили то у евреев, то у латышей, никто из знакомых не решался прятать нас подолгу.

Аресты и расстрелы продолжались непрерывно, пока не начало функционировать гетто.

Во время одной из облав была арестована и отправлена на расстрел в Шкеды Ида Флейшман, чемпионка



*Мои родители: Люба и Яков
Фейгерсоны*

«Маккаби» по бегу. Ее уже раздели и повели к яме, как вдруг она бросилась бежать от места расстрела, бежала в сторону морской базы. За ней погнался шарфюрер СД Кайзер, тоже в прошлом спортсмен. Он не смог догнать девушку, ее спрятали немецкие моряки. Однако Кайзер видел, куда убежала Ида, и потребовал ее выдачи, угрожая вызвать гестапо. «Еврейка бежала, как олень, но ее нельзя оставлять в живых, потому что она слишком много успела увидеть», – объяснил он морякам. Иду выдали, и Кайзер снова отправил ее на расстрел.

После акции декабря 1941 года и февраля 1942 года евреи Лиенаи поняли окончательно, что они обречены на смерть.

Были семьи, которые не хотели проходить через позор расстрела. Целыми семьями люди кончали само-



*Шкедские дюны – место расстрела евреев Лиенаи.
Автор воспоминаний Соломон Фейгерсон возле памятника на
месте расстрелов. 1995 г., август.*

убийством, вешались, травились газом, перерезали себе вены.

Апрельские аресты и казни фашисты приурочили ко дню рождения своего фюрера. Лиепайский СД хватал евреев в любом месте и сразу отправлял на расстрел в Шкеды. Так им снова попался учитель Столпер с женой, спасшиеся в февральской акции благодаря своему мужеству и хладнокровию. На этот раз чуда не произошло, Столперов расстреляли.

В одной из машин в Шкеды везли Шлейме Хавензона, крепкого и смелого парня. Шлейме на ходу соскочил с машины и побежал в сторону разрушенных домов. Он не знал, что каждый грузовик, везущий евреев на казнь, сопровождает легковая машина с эсэсовцами. Фашисты открыли огонь и ранили Шлейме в ногу. Связанного парня отвезли на расстрел.

Мои скитания продолжались до создания гетто, до 1 июля 1942 года.

ГЕТТО ЛИЕПАИ

Весной 1942 года лиепайская городская газета «Курземес Вардс» сообщила: «Еврейский вопрос в Лиепаве полностью решен, мы освобождены от жидов. Но кое-где еще можно встретить жида, и мы обязаны указать ему место, которое он заслужил».

К этому моменту большинство лиепайских евреев было расстреляно в Шкедских дюнах. Среди них были участники Освободительной войны 1918-1920 годов в Латвии. Людей, проживших в этом городе долгую жизнь, стариков, женщин и детей убивали только потому, что они родились евреями.

Когда из 11 000 евреев в городе осталась одна тысяча, было объявлено о создании гетто.

Прежде всего был создан юденрат во главе с Соломоном Израилитом и его помощником, адвокатом Каганским. Все евреи города обязаны были зарегистрироваться в юденрате и переселиться в гетто. До войны в городе не существовало особого еврейского квартала. Теперь его решили создать. Немцы и местные власти выделили под гетто целый квартал в районе улиц Кунгу, Бариню, Дарза и Апшу. Всего на этой территории оказалось 13 домов, чьих жителей предварительно переселили в квартиры расстрелянных ранее евреев. В СД знали, что разместить евреев требуется лишь на короткое время. Так решался «жилищный вопрос», воз-

никший из-за сильных разрушений во время июньских боев в 1941 году.

В конце мая 1942 года городская газета напоминала: «Необходимо убрать из нашего общества оставшихся жидов!». Тут же публиковалось распоряжение, обязывавшее всех евреев перебраться в гетто до 1 июля этого года. Новый указ обязал всех евреев после ежедневных принудительных работ являться на строительство гетто. Евреи копали ямы, ставили столбы, натягивали колючую проволоку, делали забор. Гетто обнесли оградой из колючей проволоки.

Немцы назначили для управления внутри гетто юденрат и поставили его руководителем, как я уже говорил, Соломона Израилита. Это был порядочный человек, старавшийся помочь каждому еврею в то ужасное время. Помощником был адвокат Каганский.

Юденрат расселял людей. Некоторые комнаты пришлось разделить перегородкой, чтобы у каждой семьи был «свой угол». Работы было много. Приходилось все подряд чистить и ремонтировать, так как покинутые латышами квартиры находились в ужасном состоянии.

Услышав, что евреи строят гетто, я вылез из «берлоги» и присоединился к своим. Мы ставили забор, когда меня окликнул старший группы, Давид Зивсон, повел в пустой дом и стал обыскивать, т.к. кто-то сообщил ему, что у меня есть оружие.

В те дни я не расставался с наганом, мысль была одна: первую пулю немцу или латышу, который станет обыскивать меня, а вторую себе. Мне было двенадцать лет и я ясно представлял, что меня ожидает. Зивсон отобрал у меня наган, крепко побил и велел вернуться и продолжать работу. (Однажды, уже после войны, я встретил Давида и спросил: «Почему ты меня тогда так

бил?» «Чтобы ты боялся проболтаться кому-нибудь о своем нагане», — последовал ответ).

Чтобы полностью исключить еще необходимых для работы евреев из общественной жизни, их заключили в гетто.

Так 1 июля 1942 года последние 850 лиепайских евреев оказались за колючей проволокой городского гетто. Среди них было около 650 женщин и детей.

Комендантом гетто был назначен Кершнер из шуполицай. Сравнивая его поведение с действиями рижского коменданта Краузе, я думаю, что лиепайским евреям еще повезло. Охрана состояла из айзсаргов. Евреев отправляли на работы колоннами; каждый, выходя из гетто, должен был на проходной назвать свой номер и по возвращении номер проверялся еще раз. Охрана следила, чтобы никто не убежал.

По приходу в гетто меня как одиночку определили в общежитие, называемое «Юнгезелн-Хейм». Это была большая комната, где разместили двадцать коек. Население общежития состояло из одиноких мужчин и нескольких подростков. Жили в этом геттовском общежитии холостяки, которым поменяла обзавестись семьей война, но, в основном, это были люди, чьи семьи были расстреляны. Сами они во время облавы находились на работе. Некоторых немцы решили временно сохранить как специалистов.

Началась моя жизнь в гетто. Утром колонны уходили через главные ворота на работу, вечером у тех же ворот вернувшихся людей пересчитывали и обыскивали.

Евреи поддерживали друг друга и помогали, чем могли. Многие были знакомы между собой еще с довоенных времен. Люди и в этих условиях умудрялись сохранить человечность.

Снабжения продуктами в гетто практически не было.

Основной путь поступления продуктов существовал благодаря работавшим в городе. Трудились на немцев практически бесплатно, работая рядом с латышами, удавалось обменять последние вещи хоть на какие-то продукты. Нельзя не упомянуть, что женщины работали на самых тяжелых работах, под дождем и снегом, при сильных морозах, таскали кирпичи и выполняли другие трудоемкие работы.

Считанные оккупационные марки «зарплаты» уходили на покупку еды по карточкам в специальном магазине на территории гетто.

Вскоре меня определили в колонну рабочих подсобного хозяйства СД: пасти коров, подметать двор, работать в саду и т.п. Находясь ежедневно вблизи немцев-фашистов, я на всю жизнь запомнил их имена: начальник СД Лиепай унтерштурмфюрер СС В. Кюглер и его заместитель обершарфюрер К. Строд.

Каждый день колонна евреев отправлялась из гетто к зданию СД на разные хозяйственные работы: обувщики шили для немцев сапоги, ювелир Либауэр перделывал для эсэсовцев золотые вещи, изъятые у евреев перед расстрелом. Способнейший человек, Давид Зивсон, был специалистом по оптике, по электричеству, разбирался в автомашинах, и фашисты его ценили.

Моя работа заключалась в следующем: возле здания СД я забирал коров и уходил с ними в красивейшие просторы приморья. Кобсду я пригонял стадо на дойку, затем уводил обратно до конца рабочего дня. Иногда из-за плохой погоды я возвращался раньше, и тогда меня заставляли чистить коровник, полоть в саду траву или мыть машины. Одна из легковых машин была та самая «Черная Берта», о которой я уже писал.

На ней перевозили арестованных евреев, и ее знал

весь город. Грузовик советского производства «ГАЗ-АА» перевозил людей к месту расстрела. Его кузов всегда был залит кровью и забрызган мозговой тканью – евреи сопротивлялись убийцам.

Чтобы не умереть от голода, евреи во время работы вне территории гетто старались обменять вещи на хлеб или другие продукты.

Жители гетто успели захватить из дому кое-что из неразворованных у них вещей, и местное население быстро сообразило, что за кусок хлеба можно получить у евреев что-нибудь ценное. Однако пронос еды на территорию гетто было делом очень опасным. Однажды, в момент возвращения с работы, у ворот гетто немцы задержали госпожу Рубинштейн. Ее семья появилась в Лиепаве с беженцами из Германии в 1938–39 гг. Господин Рубинштейн был арестован в первой же облаве в 1941 г. (в этой акции в руки немцев попал и мой отец, Яков Фейгерсон) и расстрелян вместе с другими евреями в дюнах Шкеды. Чудом спасаясь от облавы 41-42 гг., госпожа Рубинштейн пришла в гетто с двумя маленькими детьми. На следующий день в гетто из СД явился шарфюрер Хандке и потребовал от главы юденрата Израилита выдать ему детей госпожи Рубинштейн.

Израилит повел мальчиков к машине Хандке. Дети плакали, умоляя дядю Израилита не выдавать их, позволить дожждаться мамы. Гестаповцу надоело это зрелище, он схватил мальчиков и швырнул их в кузов машины. Через несколько дней мы узнали, что гестаповцы расстреляли госпожу Рубинштейн вместе с детьми.

Но и такая жизнь становилась привычной. Люди в Лиепайском гетто сохраняли мудрость, юмор, бодрость, но день ото дня росла ненависть к врагу. Не помню точно, в каком месяце, в октябре или ноябре 1942 года, по гетто пронесся слух, что в ближайшие дни по всем

квартирам пройдет обыск. Началась паника. Люди прятали ценные вещи и выкидывали продукты, купленные вне гетто буквально на вес золота. Калман Линкемеер описал эти дни в знаменитой песне «Мусорный ящик». Обыск был страшный. Гетто выглядело как после погрома.

И снова жизнь, если это можно было назвать жизнью, продолжалась.

Евреи из гетто выполняли в городе самую черную работу и все-таки сохраняли надежду на спасение.

Однажды стало известно, что ночью был обворован магазин, в котором жители гетто покупали продукты. По тому времени это было чрезвычайное происшествие, чтобы евреи воровали у евреев.

Немцы арестовали воров и расстреляли их.

К концу октября 1942 года в гетто Лиепайи прибыл транспорт с евреями из гетто Риги, среди которых находились евреи из разных стран Европы: Литвы, Польши, Чехословакии, Австрии, Германии. Присланы они были для работы на находящемся в ведении СС сахарном заводе. В 1942 году в окрестностях Лиепайи сняли большой урожай сахарной свеклы, а рабочей силы почти не осталось: большинство местных евреев было убито.

От прибывших мы узнали о трагедии рижского и европейского еврейства. Мы узнали о кровавых расправах над еврейским населением Риги в начале декабря 1941 года. Как явствовало из рассказов, в течение нескольких страшных дней погибло около 30 тысяч человек. Немцы расстреливали евреев в Румбульском лесу. Первая большая акция состоялась 29-30 ноября 1941 года. Людей из гетто гнали пешком к месту казни около 10 километров. Ночью было холодно, дорога обледенела, многие падали, рядом идущие

подхватывали их и не отпускали. И все же колонна оставляла на дороге людей. А айзсарги-шуцманы гнали и кричали: «Быстрее, быстрее, не то будем стрелять!». Место перед лесом, куда ночью пригнали большие колонны евреев: мужчин, женщин и детей, было оцеплено немецкими солдатами и латышскими шуцманами. С наступлением рассвета начался массовый расстрел.

На территорию Латвии свозились для массового уничтожения евреи из оккупированных стран Европы, а также из самой Германии. Немцы и местные националисты прославились как специалисты по истреблению людей. Кроме расстрелов, использовались специальные машины-душегубки (синие автобусы). Местами истребления были: станция Шкиротава, леса Бикерниек и Румбула в окрестностях Риги.

Лиепайские евреи встретили прибывших, как родных, делились последними продуктами и одеждой, приглашали домой.

Каждая встреча начиналась с рассказов о родном доме, где прошла жизнь до прихода фашистов к власти.

Работа на сахарном заводе была очень тяжелой, в три смены. Присланные из гетто Риги евреи проработали в Лиепаве до февраля 1943 года. Потом их вернули обратно в гетто Риги. Расставание было печальным, люди знали, что их ожидает. Портной Гуревич сочинил на идиш песню на мотив «Централки»:

«Рижане, вы нам короткое счастье подарили!

Мы забыть не можем, как жили вместе в эти тяжелые дни».

Постепенно жизнь в гетто вошла в прежнее русло. Люди спозаранку выходили на работу и возвращались поздним вечером. Нужно было еще найти силы для домашних дел.

В гетто тайком слушали радио, люди знали, что идут бои под Сталинградом. Новости передавались из уст в уста. А вот о восстании в Варшавском гетто мы ничего не знали. Отважных людей и в гетто Лиенаи было немало. Полностью изолированные от всего остального мира, мы жили единой семьей, поддерживая друг друга, иногда с риском для жизни.

После восстания в Варшавском гетто Гиммлер издал приказ о ликвидации всех гетто на оккупированных территориях. Во второй половине сентября 1943 года комендант гетто Кершнер объявил, что оставшихся евреев отправят в Ригу. По гетто прошел слух, что готовится полное уничтожение, люди заволновались. Двум парам: Давиду и Хене Зивсон, Михоэлсу и Хильде Скутелевским третьего октября 1943 года уда-



Надпись на памятнике, установленном на территории гетто Лиенаи сообщает, что в этом месте, в районе улиц Кунгу, Атицу, Дарза и Барнишо, с 1 июля 1942 по 8 октября 1943 года находились обреченные на смерть евреи города Лиеная.

лось бежать из гетто к удивительному и храброму человеку Янису Седулу, который успел перестроить подвал в своем доме для длительного укрывания там людей. Позднее к четверке беглецов присоединились: Арон Вестерман, Зелик Хиршберг, Калман Линкемеер, Миша Либауэр, Иосиф Мендельштам и Шмерл Скутельский. Всего Янис Седул спрятал у себя одиннадцать человек, но сам он до окончания войны не дожил, погиб от осколка шального снаряда.

8 октября 1943 года насслению лиспайского гетто было приказано собраться рано утром у ворот со всеми вещами. Всех, от детей до стариков, построили в колонну и под охраной немцев из СД и айзсаргов-шущманов погнали на пригородный вокзал. Там нас ждали товарные вагоны.

Затолкав в поезд последнего еврея, шарфюрер СД Хандке прибил к вокзальной стене табличку: «Лиеная юден фрай!»

Для своей последней акции немцы выбрали самый священный для еврейского народа день Йом-Кипур.

КАЙЗЕРВАЛД (МЕЖАПАРК)

Межапарк современное название одного из красивейших районов Риги, расположен в сосновом лесу. Еще с начала прошлого века этот район именовался Царский лес, а по-немецки – Кайзервалд.

В июне 1943 года немцы решили построить в этом красивейшем месте концентрационный лагерь под тем же названием – Кайзервалд.

Летом 1943 года туда были доставлены первые заключенные для строительства лагеря. Заключенные были привезены из концентрационного лагеря Заксенхаузен. Это в основном были поляки и немцы, осужденные на длительные сроки за грабежи и убийства.

Строительство лагеря шло довольно быстро, руководили им сотрудники СД и СС – благо у них был большой опыт по строительству концентрационных лагерей.

Лагерь занимал около половины квадратного километра. Он был окружен забором из колючей проволоки, освещавшимся по ночам небольшими фонарями. За забором на равном расстоянии друг от друга стояли сторожевые вышки. Вводили и выводили заключенных через главные ворота.

В сентябре 1943 года Кайзервалд уже функционировал в соответствии с приказом Гиммлера от 21 июня 1943 года о ликвидации всех гетто на оккупированных восточных территориях. Этот приказ был издан после

восстания в Варшавском гетто. На основании этого приказа все работоспособные евреи были переведены из гетто в концентрационные лагеря.

Комендантом концентрационного лагеря Кайзервалд был штурмбанфюрер СС Вальдемар Зауэр.

Концентрационный лагерь Кайзервалд считался не лагерем уничтожения, а трудовым лагерем. Однако условия, в которых работали заключенные, были рассчитаны на уничтожение. Тяжелая работа, холод, голод селяли смерть. Рабочий день не ограничивался и практически продолжался 12-14 и более часов.

Во главе лагеря стоял назначенный комендантом староста лагеря. Он был ответственным представителем лагеря перед СС.

Старостой был осужденный за убийство на пожизненное заключение немец, привезенный в Кайзервалд из концентрационного лагеря Заксенхаузен.

В ночь с 8 на 9 октября 1943 года евреев Лиепайского гетто привезли в Кайзервалд. Было темно. Люди не знали, куда их привезли.

Через короткое время двери товарных вагонов раскрылись, с криками и проклятиями нас стали выгонять из вагонов. Мы не могли рассмотреть местность, так как на нас был направлен яркий свет прожекторов. После разгрузки всех прибывших евреев из Лиенаи, около 800 человек, загнали в один барак. Мы провели ночь в набитом людьми бараке.

Уже на следующий день началась селекция. Нас, и без того не спавших всю ночь, подняли на рассвете.

Загремел колокол, и появился немец-заключенный по прозвищу Мистер Икс. С помощью кулаков и палки он начал знакомить нас с лагерными порядками, выкрикивая: «Стройся! Вы в концентрационном лагере, а не в доме отдыха!».

Вскоре появилось лагерное начальство во главе с комендантом Зауэром и его помощниками: обершарфюрером Визнером, шарфюрером Брюнером и ротенфюрером Хиршем. К нашему строю подъехала большая грузовая машина с прицепом. Евреев разделили на три группы:

1. Пожилые люди и женщины с детьми,
2. Женщины и девушки-подростки старше 14 лет,
3. Мужчины и подростки старше 14 лет.

Староста лагеря, блоковое начальство, Мистер Икс, Ханнес, Микуш и другие местные заключенные из немцев проводили селекцию евреев.

Садисты объявили женщинам что, если они хотят сохранить жизнь, они не обязаны следовать за своими детьми.

Но матери отказывались разлучаться с детьми и вместе с ними направлялись к машинам. Потом стало известно, что транспорт со стариками, женщинами и детьми прибыл в Рижское гетто и, дополненный там, ушел в Освенцим.

Лагерь выл. Казалось, что земля сотрясается от криков и плача.

Мужчины глухо стонали от своей беспомощности.

После селекции и регистрации евреев Лиепай направляли на работу в различные лагеря Латвии. Концентрационный лагерь Кайзервалд имел более десяти филиалов: А. Б. А., Баластдам, Страздмуйжа, А. Е. Г., Т. В. Л, Райхсбап и др. Большинство мужчин из лиепайского транспорта попало в Райхсбап. Из мужской группы были вызваны доктора Плоткин и Барон. Потом прошел слух, что их отравили по специальному распоряжению гестапо в штрафной лагерь под Тарту (Эстония), где они погибли.

Я остался в Кайзервалде. Меня определили в блок

№1, где блокфюрером был Ханнес, немец-уголовник, осужденный на пожизненное заключение за ограбления банков в Гамбурге. Он всегда кричал на заключенных и бил их.

При первой встрече с ним в его блоке, он объяснил, как я должен себя вести и добавил, что не желает меня сегодня больше видеть во избежание несчастья. Мне указали на место, где уже кто-то лежал. Всех вновь прибывших разместили по два-три человека на одно место. Кровати там были трехэтажные. Барак был в страшном состоянии. Белье не менялось месяцами. Стояла дикая вонь, одолевали вши и клопы. Мрак не позволял разглядеть, что делалось вокруг.

Антисанитарное состояние барачков привело к массовым заболеваниям. Но худшее было еще впереди.

Под утро раздался звон колокола и сразу за ним крики штубдинстов. Тут же на нас посыпались удары и загремел голос Ханнеса, ворвавшегося в барак с палкой: «Проклятые евреи, вы еще здесь?». Это относилось к неуспевшим выбежать на построение. Вскочив с коек, заключенные должны были полуголыми бежать в умывальню, а на дворе уже была осень. И ведь все мы ослабели от голода и тяжелой работы. Позднее многие заключенные, чтобы не попадаться на глаза Ханнесу и его свирепым штубдинстам, вообще перестали умываться.

Едва мы успели выпить утренний «кофе», как слышалась новая команда: «Все на аппель!». Мы должны были бежать строиться в шеренги по пять человек.

Стояли довольно долго. Наконец раздалась команда: «Смирно! Шапки долой!». Блокенфюрер рапортует эсэсовцу шарфюреру Брюнеру, что заключенные блока №1 к аппелю построены. После пересчета заключенных

опять команда: «Шапки надеть!». Узников выстраивают для выхода на работу. Оставшиеся в лагере, среди них и я, направляются в бюро «арбайтсамт», которым руководил немец-заключенный по фамилии Шлютер. Вся группа была определена на работу в т.н. отдел «Анода», на разборку электрических батареек.

Барак, где мы трудились, находился с наружной стороны лагерного забора. Руководил нами армейский ефрейтор. Этот немец следил, чтобы все делалось по правилам. Рабочий день длился дотемна, и иногда, уже после возвращения в лагерь, заключенных заставляли работать еще по несколько часов на «благоустройство лагеря».

На обед мы ходили строем обратно в лагерь, где каждому выдавали черпак так называемого супа.

Вечером в блоке можно было купить у заключенных хлеб и даже масло, но для этого нужно было иметь деньги. Голод постоянно напоминал о себе. Пайки были мизерные, люди едва волочили ноги. Заключенные быстро переходили в разряд доходяг и умирали.

Однажды во время обеденного перерыва ко мне подошел капо из клетмерай (слесарной мастерской) и попросил прочистить канализационную трубу. Благодаря своему малому росту я мог туда пролезть.

Так я и остался работать у этого капо, чистил канализацию в разных местах лагеря. В некоторые места, например, в эссовскую кухню, я просился сам, там, хоть и с большим риском, можно было разжиться едой. В ящик с инструментом я запихивал все, что удавалось взять, работая на кухне. К тому же, в этом случае появлялась возможность свободно передвигаться по зоне, а значит оказываться в нужное время там, где разгружали хлеб. При особой ловкости удавалось прихватить пару буханок, но если поймают... На моих глазах

однажды ээсовец избил до полусмерти еврея, укравшего кусок хлеба.

Как-то меня подозвал охранник, который стоял у ворот при переходе из одной зоны в другую. Сняв шапку, я доложил, что работаю в клемтмерай. Он велел мне найти кого-нибудь из старших, кто смог бы отремонтировать ему портсигар. Необходима была пайка оловом, а его в лагерной мастерской не оказалось. За проволочным ограждением находилась свалка и на ней, среди прочего, валялись коробки из-под советских патронов. Расплавив такую коробку на огне, можно было получить необходимое для ремонта олово.

Все это я объяснил ээсовцу и получил коробку из-под патронов.

Я развел огонь и начал ее расплавлять. За этой работой меня застал комендант лагеря Зауэр. Он сразу понял, чем я занят, и только спросил, где я взял коробку. Я объяснил, и Зауэр велел собрать все коробки из-под патронов, которые валялись на свалках, а выплавленное олово передать лично ему. Так я получил работу на довольно долгое время.

Между тем работы в мастерской стало меньше, и людей начали переводить на общие работы. Посоветовавшись с Капо, я обратился в арбайтсамт и попросил отправить меня на работу в лагерь Райхсбан, где у меня был родственник.

Капо нашей мастерской, еврей из Германии, помог многим заключенным. Он научил меня поведению в лагере: как изображать усердную работу и как с помощью условной команды: «Шишо!» предупреждать других о приближении опасности. С помощью этого человека я оказался в Райхсбане.

К концу 1943 года в Кайзервалд стало прибывать много поездов с евреями. Помню один такой из Даугавпилса. У прибывших было много вещей, но все это у них отобрали по прибытии. Сразу устроили селекцию. Пожилых, женщин и детей посадили на грузовик и увезли. Никто их больше не видел, говорили, что всех этих несчастных расстреляли в Румбульском лесу. Возглавлял акцию известный эсэсовец-латыш по фамилии Арайс. Селекцией руководили: комендант Зауэр, обершарфюрер Визнер, шарфюрер Брюнер, ротенфюрер Хирш и участник всех зверств над евреями немец-уголовник Мистер Икс.

О нем стоит рассказать особо. Он был осужден за убийство и отправлен на длительный срок в лагерь Бухенвальд. Мистер Икс обязан был носить на одежде черный треугольник – знак уголовного.

Уже в первых своих лагерях, в Бухенвальде и Дахау, Мистер Икс стал «специалистом» по издевательствам над евреями, а потом он был переведен в Кайзервалд. Здесь Мистера Икса назначили колоненфюрером, т.е. старшим над группой отправляемых на работу. Он заставлял евреев работать без отдыха, придирался по каждому пустяку и избивал до полусмерти. Не было в лагере злодейства, селекции, грабежа, убийства в котором бы не принимал участия этот садист.

В начале 1944 года, с приближением фронта к границе Латвии, террор в нашем лагере усилился. В Кайзервалде шла ежедневная охота на людей. Евреев хватали на аппелях, по возвращении с работы, а то и прямо на работе. Несчастных грузили на машины и увозили, как шутили эсэсовцы, «в небесное путешествие».

На моих глазах произошел такой случай. Немцы вдруг решили, что в грузовике еще остались свободные места, которые надо заполнить. В это время к воротам

подошла колонна возвращавшихся с работы заключенных. Их остановили, отсчитали нужное количество мужчин и погнали к шрайбштубе. Там эсэсовец из охраны и немец-заключенный Шлюттер аккуратно переписали обреченных. Затем их ударами прикладов погнали к грузовику. Как всегда усердствовал Мистер Икс.

Замерев, я вместе со всем строем евреев смотрел на происходящее, когда услышал за спиной голос лагерного старосты: «А ты что стоишь, мешок? Ждешь, пока и тебя унесут?» В тот раз мне удалось спрятаться в толпе.

А вот другой случай. Он произошел уже после моего перехода из концлагеря Кайзервалд в его филиал, рабочий лагерь Райхсбан.

В какой-то из дней комендант Зауэр решил избавиться от находившихся в лагере детей. Как это происходило, рассказал мне в 1944 году в лагере Штолп земляк-еврей, с которым мы подружились в Кайзервалде. Он был очевидцем этой акции.

Вечером был назначен генеральный Appel, на котором обязаны были присутствовать все заключенные лагеря. Обычно привилегированные заключенные – повара, писари, помощники блокковых (по национальности это были, как правило, немцы и поляки), освобождались от построений. На этот раз на Appel погнали всех. После проверки возле каждого блока прозвучали команды:

- Первый ряд, два шага вперед!
- Второй ряд, шаг вперед!
- Пятый ряд, два шага назад!
- Четвертый ряд, шаг назад!

Такое построение устраивалось для того, чтобы эсэсовцы могли без помех разгуливать между рядами заключенных и тщательно разглядывать каждого. В этот

вечер прибыло необычно много эсэсовцев. Фашисты, проходя вдоль рядов, выхватывали из строя детей и подростков и гнали их к стоящим неподалеку машинам. Дети поняли, что их ждет, и пытались убежать. Эсэсовцы и немцы из числа заключенных гонялись за еврейскими детьми, как охотничьи собаки. Пойманных избивали и оставляли в кольце охраны. Среди загнанных оказался и мой приятель из Вильнюса Мойшеле. Мальчику было тринадцать лет, и до этого случая ему удавалось трижды убежать во время акций, но на этот раз Мистер Икс поймал Мойшеле и приволок его к грузовику.

В одном из рядов заключенных стоял отец с двенадцатилетним сыном: все эти страшные годы они были неразлучны. Подошедший к ним эсэсовец заорал: «Ты все еще стоишь здесь? А ну к машине!» Мальчик закричал «папа! папа!», протягивая руки к оставшемуся в колонне отцу. Эсэсовцы уже дотасили ребенка до группы схваченных под охрану еврейских детей. И тут все услышали крик отца. Он догнал мальчика, сжал его руку и пошел рядом с сыном к грузовику. Это был высокий и сильный человек, среди детей он стоял гордо, будто король в кругу подданных.

Осенью 1944 года, когда фронт совсем уже приблизился к Риге, в Кайзервалде осталось несколько сотен евреев. Большинство из них использовались на тяжелых работах в порту. Суда разгружались, в основном, по ночам, из-за налетов авиации. Порт подвергался непрерывной бомбежке. Немцы не могли остановить подвозку оружия и боеприпасов, поэтому вынуждены были использовать для разгрузки оружия злейших врагов Рейха – евреев Кайзервалда. Среди них оказались мои земляки из Лиепай: Лёва Даненберг и Макс

Шварц. Я жил рядом с ними еще в Юнгезелн-Хейм в Лиепайском гетто. Макс был человеком необычайных способностей. В двадцать один год он защитил диплом инженера-механика. В Кайзервалд ребят пригнали в мае 1944 года из рабочего лагеря Паплакен, который немцы решили ликвидировать. Здесь они вместе стали работать в гараже. Оба считались специалистами по ремонту машин, и комендант лагеря Зауэр оценил способности этих молодых евреев. Мистер Икс, заметив благосклонность коменданта к этим парням, взял их под свою опеку. Ребята доверились этому негодяю, а он шпионил за всеми. Подслушивал и вынюхивал в надежде заслужить сокращение собственного срока заключения. О том, что фашисты могут проиграть войну и придется отвечать за все содеянное, Мистер Икс никогда не думал.

Он договорился о совместном побеге с Даненбергом и Шварцем.

Согласовали место на ближайшем кладбище, чтобы спрятаться там, а затем добраться до фронта, который подошел уже к окраинам Риги. За день до ликвидации Кайзервалда этим парням удалось бежать. Очевидно, Мистер Икс в последнюю минуту струсил и остался в лагере. А когда утром фашисты обнаружили побег, он добровольно предложил им свою помощь в поисках. Очень скоро беглецов в окружении эсэсовцев и собак привели в лагерь, и комендант перед строем сам застрелил Леву Даненберга и Макса Шварца.

Несколько слов об эсэсовских палачах Кайзервалда. Обершарфюрер Визнер в Кайзервалде занимал должность обыкновенного санитаря. Он был помощником главного врача штурмбанфюрера СС Кребсбаха. До прибытия в Кайзервалд Визнер обладал уже

немалым опытом службы в «Штутхофе» и других концлагерях, что было оценено начальством. Санитара приблизил к себе комендант Кайзервалда Зауэр. Обершарфюреру СС Визнеру было поручено проводить медицинские эксперименты на больных заключенных, проходивших через его медпункт. Последняя моя встреча с ним состоялась в июне 1944 года в лагере Райхсбан. Фашисты решили отобрать у заключенных евреев всю гражданскую одежду, которую те еще сохранили в лагерях. Ее иногда удавалось обменять у местного населения на продукты.

В Райхсбан прибыло все эсэсовское начальство Кайзервалда. Заключенных мужчин и женщин загнали в один большой барак и начали селекцию. Пожилых и слабых отделили и через некоторое время увезли. Больше их никто не видел. Руководил селекцией все тот же обершарфюрер Визнер.

Оставшихся заключенных перегнали в другой угол барака и всех подряд остригли наголо. Мужчин и женщин заставили раздеться, после чего каждому выдали полосатую одежду.

В октябре 1984 года я был приглашен в суд города Дюссельдорфа, чтобы дать свидетельские показания о массовом уничтожении заключенных, в основном, евреев, в рижском концентрационном лагере Кайзервалд.

Подсудимый, шестидесятичетырехлетний бывший обершарфюрер СС Визнер, обвинялся в участии в убийствах.

Суд в Дюссельдорфе признал Визнера виновным в преступлениях против человечества и приговорил его к шести годам тюремного заключения.

Шарфюрер Брюнер был садистом. Он придирался к евреям по каждому пустяку, особенно во время апелляции. Если ему что-то не нравилось, заключенных ждало

страшное наказание. Он мог на вечерней проверке держать людей часами, муштровать и издеваться над ними до потери сознания. С приближением фронта в 1944 году Брюнер особенно стал зверствовать. В это время участились побеги из лагеря. Евреи, имевшие связи с местными жителями, правда, таких было очень мало, бежали в заранее приготовленные убежища. Чтобы предотвратить побеги, фашисты стали брать заложников. Помню такой случай. После тщательно подготовленного побега одного еврея в лагерь прибыл шарфюрер Брюнер. Всех нас выстроили на аппель. Брюнер, в сопровождении нескольких эсэсовцев, медленно пошел вдоль строя, отбирая жертвы для наказания. Делал он это, тщательно всматриваясь в глаза заключенного, доводя его до шокового состояния. Когда человек был готов уже выйти из строя, палец Брюнера указывал на стоящего рядом. В этот раз было отобрано больше двадцати человек. Их сразу взяли под охрану. По слухам, распространившимся в Райхсбане, заложники, отобранные Брюнером, были отправлены в Штицпункт. Только после войны, встретившись с выжившими заключенными, я узнал, что скрывалось под названием Штицпункт.

Там собирали здоровых евреев-заключенных, заставляли их раскапывать рвы с расстрелянными, а потом сжигать трупы. Всех, кто был пригнан на эти работы, заковывали в кандалы, прикрепленные к цепям. Вконец ослабевших сжигали вместе с трупами.

Живым из Штицпункта никто не вышел. Свидетели уничтожались, чтобы скрыть эти злодеяния фашистов.

Все эти факты были подтверждены на судебном процессе против Визнера.

Ротенфюрер Хирш не только отвечал за вещевой склад, но и охотно принимал активное участие во всех преступлениях, творившихся в Кайзервалде.

В новом построенном бараке были оборудованы полки и вешалки для одежды. Все вещи, отобранные у привезенных сюда евреев, поступали на вещевой склад. Там заключенные под наблюдением Хирша работали на сортировке. Чего там только не было!

В специальные ящики раскладывались: фотографии, гвозди, подметки, всевозможные канцелярские принадлежности, книги на разных языках, новая и поношенная одежда, различные медицинские приборы, разные инструменты, белье, верхняя одежда, обувь и продукты. Хирш строго следил за тем, чтобы люди ничего не украли. Работники склада аккуратно все раскладывали по полкам. Вскоре барак стал похож на первоклассный магазин. По окончании рабочего дня работники склада обыскивались. Если у кого-нибудь что-то находили, его строго наказывали. Этот магазин стал бесплатным «закупочным» пунктом для господ ээсовцев и других избранных.

Кайзервалд просуществовал с июня 1943 года по октябрь 1944 года.

Страшная правда о нем давно превратилась лишь в далекие ужасные воспоминания. Но сколько бы лет ни прошло, мы, немногие оставшиеся в живых узники концлагерей, никогда не забудем предсмертных криков невинных людей, которых поглотил фашистский конвейер смерти.

«ШТУТХОФ»

Город Штутхоф находится на побережье Балтийского моря, в сорока пяти километрах к востоку от Гданьска. До 1939 года это было захолустье, городок, каких в Германии тысячи. Асфальтовое шоссе и узкоколейная железная дорога связывали его с Гданьском.

В 1939 году Штутхоф неожиданно зашевелился. Осенью, едва окончилась война с Польшей, в Штутхоф прибыли в сопровождении отряда СС несколько сот заключенных. В большинстве своем это были поляки, обреченные на смерть. Для них поставили палатки, которые фактически положили начало концентрационному лагерю «Штутхоф».

Как и во всех других концентрационных лагерях, никто в мире не должен был знать, что творится за колючей проволокой в «Штутхофе».

Смертники рубили лес, корчевали пни, осушали болота, утрамбовывали землю, взрывали горы, возили камень и песок, строили бараки, возводили огромные каменные хоромы для комендатуры и администрации. Лагерь был задуман грандиозный, способный вместить более ста тысяч узников.

Гитлеровцы управляли лагерем по принципу «разделяй и властвуй». Каждый попавший сюда был обречен на смерть, один раньше, другой позже. Вечный голод, мордобой, изнурительный каторжный труд, убий-

ства заключенных эсэсовцами, капо, блоковыми делали свое дело: заключенный не чувствовал себя в безопасности никогда и нигде.

Только таких, «главных», концентрационных лагерей в фашистской Германии и на оккупированных территориях Европы было более 20, а их филиалов насчитывалось более двух тысяч. Земля в этих местах пропитана кровью и покрыта пеплом замученных людей.

Штутхоф одно из таких дьявольских мест: здесь содержалось 80 000 человек.

Долгое время руководителями и организаторами массовых убийств в «Штутхофе» были лагерные коменданты, оберштурмбанфюреры СС Хоппе и Майер.

До 1944 года в концентрационном лагере «Штутхоф» не было евреев. С приближением фронта к Прибалтике фашисты стали замечать следы своих преступлений: чудом выживших людей переправляли в глубь Германии для уничтожения. «Штутхоф» заполнили «юдеи».

Первыми были литовские евреи из Шауляйского и Каунасского гетто.

Меня привезли в концентрационный лагерь «Штутхоф» 9 августа 1944 года. В наш транспорт включили и тех, кто прибыл пароходом из рижского концентрационного лагеря Кайзервалд и заключенных из рабочих команд. Среди последних была и моя, Райхсбан.

На утро после прибытия началось оформление. Нас по одному вызывали к столу, где поляк-заключенный записывал ответы на анкетные вопросы. Требовалось стоять навытяжку, отвечать громко и четко. Имя, фамилия, семейное положение, специальность и адрес. Состав преступления?.. В этой строке, не дожидаясь ответа, записывали: «юде».

Выдали номера с желто-черным магендовидом, шестиконечной звездой, и предупредили: не терять и не забывать.

Номер нашего транспорта начинался с 56, и мой лагерный номер был 56642. Так как мы прибыли в полосатых робах, лагерное начальство сообразило, что этих заключенных уже обобрали в предыдущем концентрационном лагере. Нас заставили пройти баню, стрижку волос и прыгать в бочку с какой-то жидкостью. После этого выдали арестантскую одежду, к которой требовалось немедленно пришить лагерный номер.

В августе-сентябре 1944 года в «Штутхофе» насчитывалось 50-60 тысяч заключенных. Все они разделялись на категории по роду совершенных преступлений и носили на груди и на штанине треугольники соответствующего цвета.



Главные ворота концентрационного лагеря «Штутхоф»

Заключенные-уголовники носили зеленый треугольник. В основном, это были немцы, и они пользовались привилегиями. Они попали в лагерь, в большинстве своем, за грабежи и убийства. На совести у таких людей была не одна человеческая жизнь, именно эти заключенные занимали ключевые посты в лагерной жизни.

Особенно запомнился мне немец-капо крематория – «Зеленый Вилли». Называли его так за цвет треугольника. Когда в крематории не хватало трупов, являлся Зеленый Вилли в сопровождении своей «тотенкоманды», и они брали из бараков на свою телегу всех обессиливших, а также мертвых, лежавших в так называемой «умывальной комнате». В этой комнате складывали мертвых, замученных и умерших ночью и отвозили в крематории.

Самый многочисленный отряд заключенных «Штутхофа» составляли политические. Они носили красные треугольники и были обречены на заточение до конца войны. Среди них были немцы, норвежцы, латыши, литовцы, но основную массу политических заключенных составляли поляки. В принципе, все заключенные, кроме нас, считались политическими. Евреев привозили в лагерь «Штутхоф» только для уничтожения.

Аппели в «ШТУТХОФЕ»

Вот ежевечерняя сцена из концлагерной жизни. Возле каждого блока его обитателей под руководством блокфюрера приучают к порядкам «Штутхофа». Прежде всего, мы, новички, отработываем команды: «Шапки долой!» и «Шапки надеть!». Заключенный должен одним махом сорвать шапку и ударить ею по ноге, чтобы получился как бы у всех единый выстрел. Не дай Бог, если выполнение команды не понравилось блокфюреру.

Пройдя через концентрационный лагерь Кайзервалд, мы уже были знакомы с правилами построения: каждый обязан равняться на впереди стоящего и на соседа, следя при этом взглядом за блокфюрером, который с проклятиями и ударами обходит шеренги, пересчитывая заключенных.

Вечерние «аппели» длятся по несколько часов. Причина этого, чаще всего, несовпадения в счете: ведь во время «аппеля» пересчитывают всех заключенных блока, то есть, несколько десятков тысяч человек. Иногда весь блок долго стоит в наказание, неважно, за что. Между рядами шныряют эсэсовцы и блоковое начальство из заключенных, на беспомощных людей сыплются удары. Редко когда вечерний «аппель» обходится без происшествий.

Наконец приносят пищу. Только после того, как блоковое начальство возьмет себе изрядное количество хлеба, маргарина и повидла, остальная еда делится на равные «пайки» по количеству заключенных в блоке.

Обед состоит из супа из кормовой свеклы, капусты и брюквы.

Баланда раздается перед блоком. Этим занимается низшее начальство блока, с неизменными садистскими

повадками. Перед раздачей пищи всех выгоняют на улицу, выстраивают в очередь. Наш помощник блоксового, по национальности поляк, выравнивал очередь ударами черпака по головам. Однажды и я с окровавленной головой остался стоять в очереди, только бы получить свою порцию баланды.

Как-то утром нас, прибывших из рабочей команды Райхсбана, проверили по спискам, пересчитали и повели на станцию, а оттуда поездом повезли в рабочий лагерь в город Штолп (Померания).

По сравнению со «Штутхофом» условия здесь были легче, но жестокостей не меньше. Никогда не забуду, как нас погнали смотреть на казнь семерых наших товарищей. Экзекуцией руководили эсэсовцы города Штолп и комендант лагеря. Тела казненных висели в цеху, где мы работали.

В феврале и в марте 1945 года до Штолпа доносились артиллерийская канонада. Иногда слышался гул самолетов, летящих бомбить Германию.

Комендант лагеря приказал усилить охрану. Однажды внезапно был подан состав из товарных вагонов, нас погрузили в него и куда-то повезли. Как потом оказалось, комендант решил вернуть заключенных обратно в «Штутхоф». Это ему удалось. По дороге мы наблюдали, как приходит конец гитлеровскому рейху.

Возвращение в «ШТУТХОФ»

Итак, в середине марта 1945 года я вторично оказался в «Штутхофе». Большая часть заключенных была за это время куда-то эвакуирована. Бараки стояли полупустые.

Теперь, когда война добралась до территории Германии, настроение самых жестоких и наглых эсэсовцев и их лагерных помощников упало. Блоковое начальство немного притихло и уже не так придиралось. И построения на апелелях теперь отличались от тех, что устраивались в 1944 году, хотя вечерние апелли были еще долгими. В лагере нарастало напряжение. Канонада становилась все громче, а слухи о приближении освобождения все настойчивее.

Все больше говорили о ликвидации лагеря в «Штутхофе». По всей территории, возле каждого барака, установили бочки, наполненные смолой. Стало ясно, что гитлеровцы собираются скрыть следы своих зверств в «Штутхофе». А что будет с нами? Появились слухи, что оставшиеся заключенные будут уничтожены, и для этого уже созданы специальные отряды из немцев-уголовников. Их называли «факельщиками».

25 апреля 1945 года было приказано эвакуировать остатки населения лагеря. Нам раздали провиант на дорогу: буханку хлеба на троих (обычно ее делили на десятерых) и пачку маргарина на двоих.

Людей подняли в этот день рано, было еще темно.

Выстроили, быстро пересчитали, окружили усиленной охраной и привели на перрон, где нас ждали вагоны без крыш, с низкими стенками.

Погрузка прошла быстро, напихали полные вагоны так, что мы могли только стоять.

По узкоколейной железной дороге заключенных

«Штутхофа» довели до правого берега Вислы. Здесь мы встретились с другими заключенными из «Штутхофа», которых пригнали пешком. Эту группу составляли выходцы из Скандинавии и других стран Европы. В основном, здесь были политические заключенные. Особенно запомнились мне норвежцы, которым я и многие другие обязаны своим спасением.

Их арестовали в родной Норвегии и без суда и следствия отправили в «Штутхоф». Одеты они были не в каторжные робы, получали богатые посылки от норвежского и шведского Красного Креста, в общем, находились в гораздо лучшем состоянии, чем остальные заключенные. Лагерное начальство обращалось со скандинавами совершенно иначе, чем с другими, надеясь перевоспитать их «в духе национал-социализма».

У себя дома многие были высокопоставленными чиновниками, многие имели высшее образование. Были среди них профессора университетов, полицейские... Эти люди отказались служить немцам и присягать на верность Германии. «Мы уже дали присягу своему королю, объявили они, а норвежцы – люди чести».

После объединения обеих групп мы были доставлены под конвоем СС в Хел. Здесь всех заключенных посадили на баржи. Так под охраной СС образовалась целая флотилия барж с заключенными «Штутхофа». К баржам подцепили буксиры, и они нас потащили в открытое море. 25 апреля 1945 года началось мое плавание на барже «Вольфганг». С провиантом, выданным на дорогу, я расправился тут же на месте, и о еде теперь можно было только мечтать.

Ночью, 2 мая, мы внезапно обнаружили, что конвой и буксир бросили нас, оставив на произвол судьбы в открытом море. Вот тогда норвежцы и показали себя. Они принялись руководить спасательными работами.

Прежде всего были приняты меры для защиты баржи от плававших повсюду мин. Затем из досок и одеял мы сделали весла и паруса, и таким образом баржу удалось пригнать к берегу 3 мая 1945 года.

Здесь мы нашли две небольшие лодки, и началась высадка. Мы оказались на берегу возле города Нойштадт.

Состояние людей было ужасным! У большинства евреев-заключенных не было совершенно никакой еды со дня отплытия из Хела, многие были не в состоянии даже подняться с места.

В это время к берегу прибыла группа немецких матросов. Они отняли у нас лодки и стали силой сгонять людей с баржи, заставляя прыгать в воду и добираться до берега. Тех несчастных, которые не могли двигаться, расстреливали на месте. Матросы были еще юнцами, но расправлялись с заключенными, как опытные убийцы. Помню двух братьев Эпштейн, которые прошли все круги немецкого ада и были убиты этими юнцами за несколько часов до освобождения. Уже на берегу юный фашист застрелил одного из братьев, а когда второй начал кричать «почему? почему?» тот же немец застрелил и второго Эпштейна. Также на моих глазах был застрелен Яша Рабинович. Раны, полученные им при бомбежке лагеря Бухграбен, где мы останавливались, возвращаясь в «Штутхоф», не заживали. Еле-еле добравшись от баржи до берега, Яша не мог подняться на ноги и остался сидеть на земле. Подошел юный немецкий матрос и выстрелил ему в голову. (В свое время Яша Рабинович написал песню, посвященную ликвидации гетто Лиепая, а Шура Вальштейн написал к ней музыку.)

Через некоторое время появились эсэсовцы из того конвоя, который сопровождал флотилию заключенных «Штутхофа». Опять нас собрали в колонну. Полу-

мертвых поднимали руганью и ударами, кто не поднялся убивали на месте. Колонну погнали на сборный плац. То впереди, то сзади раздавались выстрелы – это добивали упавших.

Нельзя было понять, сколько времени мы так двигались. Когда раздалась команда остановиться, я упал прямо на землю.



Рига, 2 мая 1965 г.

Встреча бывших узников гетто и концентрационных лагерей, посвященная 20-ой годовщине освобождения от немецкого фашизма.

Слева направо (сверху вниз):

- | | |
|-------------------------------|----------------------------|
| 1. Арон Имерман, Лиспая. | 11. Хейман, Рига. |
| 2. Соломон Фейгерсон, Лиспая. | 12. Шика Соркин, Лиспая. |
| 3. Сема Чарни, Лиспая. | 13. Хаим Копман, Лиспая. |
| 4. Хаим Дейфт, Лиспая. | 14. Мориц Чарни, Лиспая. |
| 5. Айзик Хавенсон, Лиспая. | 15. Глика Тош, Лиспая. |
| 6. Гурвич, Рига. | 16. Сара Хазе, Лиспая. |
| 7. Шнейберг, Рига. | 17. Муле Хакель, Лиспая. |
| 8. Калман Липксмесер, Лиспая. | 18. Шура Вальдштейн, Рига. |
| 9. Фингерхут, Рига. | 19. Шнейберг, Рига. |
| 10. Давид Каплап, Рига. | |

Нас пригнали на спортивный стадион. Там делили суп и каждого, кто уже получил черпак жижи, ставили в колонну, которую гнали в порт, на корабль. Зная, как опытный заключенный, что спешить не стоит, я решил еще раз встать в очередь за супом.

Тем временем пошел сильный дождь, и раздача пищи остановилась. А после дождя начался сильный налет английской авиации.

Он продолжался довольно долго. Когда все утихло, я вдруг увидел, что охрана и конвой СС удирают прочь. Я не понял, что происходит, пока не увидел английские танки.

Теперь я был свободен.

Нет в жизни поры более прекрасной, чем юные годы. У меня и у моего поколения не было юности. Фашисты украли ее у нас, едва не лишив и самой жизни.

И все-таки мне повезло, я пережил немецкий фашизм!

СТРАШНОЕ, НО НЕ ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ

8 мая 2000 года антигитлеровская коалиция будет праздновать 55-летие победы над гитлеровской Германией.

Каждый, кто пережил то страшное время, навсегда запомнит этот день. Война наконец закончена.

55 лет прошло с того страшного времени.

Говорят, будто время лечит раны. Однако есть раны, которые вечно кровоточат и не дают забыть причиненное зло.

Разве можно забыть преступления Гитлера и его банды?

Разве можно успокоиться и сказать: «Да это был дурной сон, это был кошмар, который больше не повторится».

Поэтому мы, кому суждено было пройти через все круги фашистского ада, у которого было много имен, обязаны помнить и напоминать всему человечеству трагедию нашего народа.

Первое место в этом дьявольском списке лагерей уничтожения занимает Освенцим, второе принадлежит Треблинке с ее кровавой историей. Затем следует Берген-Бельзен, Хелмно, Заксенхаузен, Равенсбрюк, Нойенгамме Флоссенбюрг, Штутхоф, Дора, Маутхаузен и другие.

Земля, где были сооружены эти и другие лагеря, покрыта пеплом миллионов людей, замученных на каторжных работах, на апельплацах, задушенных в газовых камерах, расстрелянных и сожженных в печах крематориев.

Для оставшихся в живых заключенных победа над фашистской Германией пришла слишком поздно.

Большинство концентрационных лагерей были освобождены лишь перед концом войны.

В январе 1945 года Красная армия освободила лагерь Освенцим.

Лагеря на территориях Германии и Австрии были освобождены войсками антигитлеровской коалиции в апреле-мае 1945 года. В это время сотни тысяч заключенных гнали по дорогам в глубь Германии и Австрии без воды и пищи. Десятки тысяч евреев погибли в пути. Ослабевших расстреливали, и очень многие умерли от холода, голода и болезней. Освобожденные концентрационные лагеря произвели ужасающее впечатление на солдат и офицеров союзнических армий. Они увидели горы трупов, которые фашисты не успели сжечь.

Страшно изуродованные трупы были разбросаны по всему лагерю.

Те, кто остался в живых, выглядели, как скелеты. В этих лагерях людей убивали за то, что каждый из них был человеком, за то, что они не виновны. Нам, евреям, в этих лагерях было тяжелее, чем остальным заключенным, потому что нас истязали вдвойне, как низшую расу и как преступников. Преступление наше заключалось в том, что наши матери были еврейками. Освобождение лагерей смерти войсками антигитлеровской коалиции имело не только гуманное, но неоспоримое историческое значение, которое оспаривается еще и сегодня. По прошествии 55 лет после тех страшных событий – мы ничего не забыли.

16 марта 2000 года Второй канал Российского телевидения показал репортаж о демонстрации в Риге бывших латышских легионеров СС, требовавших своего признания.

Кто такие эти латышские легионеры?

Латышский эсэсовский легион был основан на базе 21-го полицейского батальона, в котором, в основном, состояли бывшие айзсарги.

Именно 21-ый полицейский батальон принимал активное участие в уничтожении липайских евреев.

Особенно следует отметить декабрьскую акцию, которая проходила с 15 по 17 декабря 1941 года. За три дня массовых убийств в Шкедских дюнах 21-м полицейским батальоном было расстреляно примерно 2700 человек. Расстрелом руководил обершарфюрер СС Карлис Строд, заместитель начальника СД г. Лиепая.

Для полицейского батальона № 21 это было горячее время...

А с моря дул холодный пронизывающий ветер. Земля обледенела. В Шкеды потянулись колонны грузовиков с людьми.

Весь процесс казни К. Строд фотографировал.

Объектив направлен на раздетую молодую девушку, которая руками прикрывает свою наготу. Рядом с ней ее брат, их зовут Мия и Макс Эпштейны (см. фото 1).





Людей побоями принуждали донага раздеться (см. фото 2). Не все женщины уже успели раздеться, они в окружении полицаев-айзсаргов, их вещи разбросаны (см. фото 3).



Женщины на краю ямы перед расстрелом (см. фото № 4-5).

Крики и плач десятков и сотен людей перекрывали грохот выстрелов. Пощады не было никому. Ране-



ных добивали из пистолетов полицейские офицеры и сержанты. Полицейский с палкой в руке сбрасывает в яму тех, кто после расстрела сам не упал на дно ямы (см. фото 6).

Большой декабрьский расстрел в Лиенае планировался тщательно и аккуратно. Активно пополнялся 21-й полицейский батальон. Командиры рот приглашали добровольцев в команду, которой надлежало производить расстрелы. Кровавые участники этих событий хорошо видны на большинстве этих фотографий. Еврейский вопрос в Лиенае был полностью решен при помощи 21-го полицейского батальона, который в 1943 году и вошел в состав добровольческого латышского легиона СС.

После всех злодеяний, в которых эти будущие легионеры принимали самое активное участие, какого признания они могут добиваться?

НЕ ЗАБЫТЬ!

В израильской газете «Новости недели» 30 декабря 1999 года опубликована статья Инны Стессель «Страна обидела меня». Прочитав эту статью несколько раз, я был крайне удивлен ее содержанием. Речь идет о той ее части, где упомянуты два Праведника мира: Роберт Седул и Трофим Торбик и «забывчивые липайчане».

Любой позвонивший в Яд ва-Шем получит подтверждение: Роберт и Иоанна Седул официально причислены к Праведникам мира, и в их честь посажены деревья на Аллее Праведников в музее Яд ва-Шем. И на вопрос: «Что о них знают в Израиле?», — можно ответить: «Многое!»

Мы, выходцы из Лиепай, никогда не забывали своих спасителей.

Трофима Торбика я хорошо знал, вместе мы чистили коровник и стойла лошадей в хозяйстве гестапо Лиепай. Торбик работал конюхом, а меня, юношу из гетто, посылали пасти коров (гестапо имело свое стадо) и на другие подсобные работы. Я входил в «рабочую команду» евреев, среди нас были сапожники, ювелиры, механики и т.д.

Трофим Торбик трудился вместе с евреями. От многих других представителей «местного населения» он отличался человеческим к нам отношением.

Роберт Седул был моряком, он проплавал по свету долгие годы.

Этот сильный и бесстрашный человек не боялся риска. Перед войной он работал управдомом в Лиепая по улице Тиргоню, 14. Его жена, Иоанна Седул, числилась в том же доме дворником.

Давид Зивсон был хорошо знаком с Робертом Седулом. С началом оккупации Лиепая их отношения сохранились. Однажды Роберт предложил Давиду построить в погребе дома тайник, где можно будет длительное время укрываться от фашистов. Роберт собрал кирпичи для строительства, Давид провел электричество, и вдвоем они в короткое время соорудили тайник.

По приказу новых властей все евреи Лиепая обязаны были переселиться в гетто, под которое немцы и местные латышские власти отвели целый городской квартал, составленный из улиц: Кунгу, Бариню, Дарза и Апшу. Всего на территории гетто оказалось 13 домов, их жителей-латышей переселили в квартиры расстрелянных в акциях евреев. (При захвате города немцами, он был сильно разрушен, но, как видим, «решение» жилищной проблемы было найдено). Первого июля 1942 года последние 850 лиепайских евреев оказались за колючей проволокой городского гетто.

После еврейского восстания в Варшаве Гиммлер издал приказ о ликвидации всех гетто на оккупированной немцами территории.

Комендант гетто Кершнер объявил, что лиепайских евреев отправляют в Ригу, но по гетто уже прошел слух о готовящемся тотальном уничтожении всех его обитателей. Люди заволновались.

Третьего октября 1943 года, проделав ночью проход в колючей проволоке, из гетто бежали две еврейские пары, Давид и Хени Зивсон и их друзья Михаэль и Хильда Скутельские. Они направились к центру горо-

да, где их уже ждали Седулы. Четвертка беглецов спустилась в погреб-тайник, и начался отсчет долгих дней и ночей, таивших в себе смертельную опасность.

Восьмого октября 1943 года липайское гетто было ликвидировано. Всех его жителей фашисты отправили в концентрационный лагерь Кайзервалд в Риге. Трое мастеровых-евреев: обувщики Иосиф Мендельштам, Шмерель Скутельский и ювелир Миша Либауэр были оставлены в СД Лиепае для выполнения заказов эс-совцев и их семей. Через некоторое время заказы перестали поступать, и евреи поняли, что они обречены. И тут Трофим Торбик предложил им план побега через люк в конюшне.

Как только стемнело, трое евреев один за другим протиснулись в тесный лаз. Торбик не подвел, люк оказался открыт заранее. Шмерел и Миша благополучно спустились по лестнице и через минуту уже были на свободе. Иосифу Мендельштаму не повезло, он оступился и грохнулся вниз. Волоча ногу, Иосиф выбрался на улицу, где его подхватили под руки товарищи. Так в погребу у Седулов появились еще трое жильцов. Всего к началу 1944 года там находилось уже семь человек.

Однажды Роберт Седул узнал, что в немецком военном лагере в Паплаки на разных работах находятся тридцать евреев из липайского гетто. Среди них был и знакомый Давида Зивсона – Калман Линкемеер. Давид передал ему через Роберта Седула, что для Калмана и нескольких его товарищей есть место в укрытии.

28 апреля 1944 года лагерь Паплаки внезапно окружили гестаповцы. Было очевидно, что они прибыли для уничтожения евреев лагеря, и необходимо срочно бежать. Калман Линкемеер выбрался во двор. Там к не-

му присоединились Зелик Хиршберг и Арон Вестерман.

(Историю их побега лучше пусть расскажет сам Арон Вестерман, живущий сегодня в Израиле. Желаю ему крепкого здоровья и долгих лет жизни, чтобы он сумел оставить потомкам историю своей долгой дороги к тайнику Седулов.)

Теперь там находилось уже десять человек!

Рива Зивсон бежала с четырехгодовалой дочкой из Рижского гетто, перевязав девочке рот платком и предупредив малышку, что та должна молчать, чтобы немцы не забрали ее маму.

Рива села на поезд и ночью приехала в Лиенау.

Роберт Седул не решился принять ее с девочкой в тайник, опасаясь, что ребенок может подвести всех.

Через несколько дней Рива появилась у Седула уже без дочери, девочку удалось спрятать с помощью того же Роберта на хуторе.

Отиллия Шимельпфенниг взяла девочку к себе под видом родственницы.

Рива Зивсон стала одиннадцатым жильцом тайника.

Жизнь в тайном погребе очень подробно описал в своем дневнике на языке идиш Калман Линкемеер.

Двое из беглецов, Хильда Скутельская и Арон Вестерман, живут сейчас в Израиле, они могли бы лучше меня рассказать о буднях тайника Роберта Седула. Хенни Зивсон осталась в Лиенау.

10 марта 1945 года Роберт Седул спустился в погреб на встречу с Давидом. Говорили о положении на фронте, о том, как дальше снабжать продуктами обитателей тайника.

Он ушел, и тут же прогремел взрыв. Дом покачнулся, евреи не пострадали, но...

Шальной осколок снаряда влетел через окно в комнату дома и убил Роберта Седула на месте.

До конца войны оставалось еще два месяца. Иоанна Седул при помощи Тони Плукшиса и Арвида Скару не оставили дело, начатое Робертом. Тайник на улице Тиргоню, 14 продолжал спасать евреев от гибели.

9 мая 1945 года с приходом Красной Армии в Лиепаю одиннадцать евреев вышли на свет. Как жаль, что радость спасения не смог разделить с ними главный герой этой истории – Роберт Седул.

Январь, 2000 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Этель Фейгерсон. Об авторе</i>	3
Лиепая в 1941 году	5
Гетто Лиепай	18
Кайзервалд (Межапарк)	27
«Штутгоф»	40
Аппели в «Штутхофе»	44
Возвращение в «Штутхоф»	46
Страшное, но не забытое прошлое	51
Не забыть!..	57

